

УДК 947.073 (571.6)

«Сахалин — остров!»: изменение представлений о карте Приамурья (1848—1854)

Шерил Коррадо,

доктор философии (Ph. D.), доцент кафедры истории Университета им. Дж. Пеппердайна, Малибу, Калифорния, США.
E-mail: sharyl.corrado@pepperdine.edu

В статье исследуется положение Сахалина на воображаемых картах Приамурья середины XIX в., которые существовали в сознании российских государственных деятелей, с одной стороны, и исследователя края Г.И. Невельского — с другой. Автор акцентирует внимание на различии между научным знанием физической географии региона и его воображаемой географией и влиянии этих различий на присоединение края к России, а также значении открытия островного положения Сахалина для Российского государства. **Ключевые слова:** Амур, Приамурье, Сахалин, остров, историческая география, воображаемая география.

“Sakhalin is an island!”: the changing mental maps of the Amur Region, 1848—1855.
Sharyl Corrado, Ph. D., Assistant Professor of History, Pepperdine University, Malibu, California, USA.

This article explores the changing place of Sakhalin on mental maps of the Priamur Region in the mid-nineteenth century held by explorer G.I. Nevel'skoi and by Russian statesmen in St. Petersburg. It analyzes the significance, as well as insignificance, for the Russian state of the discovery that Sakhalin was an island, and the divergence between knowledge of the physical geography and the imagined geographies of the region, along with their role in Russia's annexation of the territory. **Key words:** Amur, Priamur Region, Sakhalin, Island, Mental Maps, Historical Geography, Imagined Geography.

Когда в 1848 г. капитан-лейтенант Геннадий Иванович Невельской отправился на Дальний Восток во главе военного транспорта «Байкал», в России не было известно, является ли Сахалин островом. На старых картах он мог изображаться как остров, полуостров, два острова или как земля, соединённая с островом Эдзо (Хоккайдо). Хотя японский картограф Мамия Риндзо успешно обогнул Сахалин в 1809 г., на российских картах его достижение не отразилось. Островное положение Сахалина было подтверждено Невельским лишь в 1849 г. [8].

Об экспедиции Невельского и его географических открытиях написано достаточно много. Наиболее значительными являются работы А.И. Алексеева, в которых подробно описываются как путешествия и исследования Невельского, так и его сложные отношения с властями [2; 3]. В 2013 г. М.С. Высоков и М.И. Ищенко опубликовали комментарии к книге Г.И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России», включив полные тексты архивных документов [9]. Говоря о роли Сахалина в экспедиции Невельского, многие учёные, например Т. Акидзуки, Дж. Стефан и А.В. Трёхсвятский, делают упор на русско-японские отношения 1853—1854 гг. и историю недолговечного Муравьёвского поста на юге острова [1; 22; 29]. В условиях напряжённой международной обстановки островному положению Сахалина придавалось большое стратегическое и военное значение.

Намного меньше написано о воображаемой географии Приамурья и отражавших её картах. Сам Невельский отличал границы предполагаемые, т.е. существовавшие только «в воображении», но зафиксированные на картах, от границ точных, проверенных, фактически отделявших одно государство от другого [14, с. 239]. Географ М. Бэссин, исследуя географическое пространство Приамурья в середине XIX в., говорил, что для многих россиян эта территория стала символом национального величия. Однако Бэссин рассматривает представления, сложившиеся не столько среди самих мореплавателей и государственных деятелей, сколько у российского столичного общества. Сахалин в его работе не упоминается [24]. В отличие от него Т. Моррис-Сузуки уделяет основное внимание именно Сахалину и менявшимся представлениям о границах между Россией и Японией, хотя почти не говорит о самой Амурской экспедиции [27]. Работы М. Бэссина и А.В. Ремнёва посвящены историческим образам Сибири и Дальнего Востока и тому, как образ этих территорий постепенно менялся — в зависимости от политических, геополитических и социальных обстоятельств [18; 25].

Цель настоящей статьи — провести сравнительный анализ воображаемых образов территории Сахалина и Приамурья в документах Г.И. Невельского и государственных деятелей XIX в. и определить значимость этих представлений для Российского государства. Хотя Невельский подтвердил островное положение Сахалина в 1849 г., остров, как видно из источников, продолжал мыслиться частью единого Амурского бассейна. Лишь после приказа Николая I о занятии Сахалина (1853 г.) преобладающий в России образ территории изменился и в воображаемой географии государственных деятелей остров отделился от Приамурья. Как отмечает Б. Бэттен, даже для островов «„естественная“ граница просто не существует» [26].

Источниковую базу исследования составляют отчёты, рапорты, статьи и воспоминания об исследовании Амура 1849—1855 гг. и Сахалинской экспедиции 1853—1854 гг. Особо ценными из них являются мемуары са-

мого Г.И. Невельского, написанные в 1875 г. и опубликованные посмертно [14]. Важно сравнить его мемуары с ранними отчётами и дневниками, изначально распространявшимися под грифом «секретно» лишь в кругу доверенных чиновников. Нужда в секретности отпала, когда Китай уступил регион России в 1858 г. Некоторые из этих документов издавались в течение нескольких лет, а в конце XX и начале XXI в. были опубликованы и другие, обнаруженные благодаря кропотливой работе учёных.

МАЛОИЗВЕСТНАЯ ЗЕМЛЯ

Когда Г.И. Невельской начинал исследование Амурского лимана в 1849 г., Российское государство не уделяло большого внимания уточнению знаний о географии Амурского бассейна. Официальная политика гласила, что Амурский край принадлежит Китаю. По Нерчинскому договору 1689 г. граница пролегла «от вершины скалы или каменной горы, по которой находится исток... реки Горбицы, и через вершины той горы до моря» [20, с. 645]. К 1840-м гг. данные о том, какая река в XVII в. называлась Горбицей и на какой горе находится её исток, были утеряны. На Генеральной карте азиатской части России 1825 г. не только Сахалин (соединённый перешейком с материком), но и весь бассейн Нижнего Амура изображался как часть империи Цин [9, с. 14—15]. Даже внутри региона граница не была известна, так как на территории не проживали ни русские, ни китайцы и военных постов для охраны границы не было. Как вспоминал русский переселенец: «две соседствующие империи не знали точно, на каком расстоянии они находятся друг от друга и что находится между ними. Как с сибирской стороны, так и со стороны Поднебесной империи простирались необитаемые пустынные земли» [28].

Для Российского государства амурский бассейн не представлял особой ценности. Озабоченная российско-китайскими торговыми отношениями, пострадавшими после британской победы в первой опиумной войне в 1842 г., Россия не хотела конфликтовать с Китаем. Будь устье Амура и Амурский лиман достаточно глубокими для мореходных судов, река была бы важной артерией, соединяющей Сибирь с Тихим океаном и открывающей путь к новым торговым возможностям. Однако в 1846 г. экспедиция Российско-американской компании заключила, что устье Амура непригодно для судоходства. Получив такое заключение, Николай I объявил реку «бесполезной», и дальнейших её исследований не предвиделось [2, с. 9—15; 14, с. 52].

Молодой офицер с четырнадцатилетним опытом мореплавания Г.И. Невельской, один из лучших выпускников Морского корпуса, не был удовлетворён имевшимися сведениями об устье Амура. В 1848 г. он испросил назначение на Камчатку, надеясь после доставки груза пройти

дальше на юг, чтобы проверить судоходность Амурского лимана. Хотя назначение он получил, исследовать Амур ему запретили. Офицер написал Н.Н. Муравьёву, недавно назначенному генерал-губернатором Восточной Сибири: «Неужели такая огромная река, какова Амур, не могла проложить для себя выхода в море и теряется в песках, как некоторым образом выходит из упомянутых описей?» [14, с. 60—61]. Заручившись поддержкой Муравьёва, Невельской поставил перед собой задачу ответить на этот вопрос. Отправляясь летом 1849 г. с Камчатки исследовать лиман, он понимал, что это может сильно навредить его военно-морской карьере [14, с. 69—78; 19, с. 166—171]. Однако несанкционированное плавание офицера имело иные последствия: серьёзные не только для него самого, но и для всего Российского государства.

Летом 1849 г. Невельской обнаружил вход в лиман, пригодный даже для самых больших мореходных судов. Более того, никакого перешейка, мешающего обогнуть Сахалин, он не нашёл, так что в Амур можно было войти как с севера, так и с юга. Оправдывая решение Невельского пуститься в это самовольное предприятие, Муравьёв в январе 1850 г. обратился к морскому министру А.С. Меншикову с разъяснением значимости открытий: «Важнейшее из всех открытий его есть Южный пролив из лимана и беспрепятственный по оному вход из Татарского залива судам самого большого размера прямо в реку» [2, с. 47]. С одной стороны, это позволяло осуществлять перевозку добываемых в Сибири ресурсов, с другой — открывало иностранным государствам доступ в самое сердце страны. Россия больше не могла считать далёкий край не представляющим «пользы». Ещё более ценным было то, что Невельской не обнаружил в низовье Амура китайских постов. Это ставило под сомнение существовавшую в России точку зрения о принадлежности региона Китаю, что отображалось на картах. Особый комитет, учреждённый для исследования границы с Китаем, не мог отрицать значимость Нижнеамурского бассейна для России. На заседании 3 февраля 1850 г. комитет пришёл к выводу о необходимости дальнейшего изучения края. Невельскому было приказано вернуться на восток и основать там торговый пост к северу от реки. Однако ему запретили заявлять о правах России на эту территорию и приказали держаться подальше от самой реки [2, с. 47—48; 3, с. 83—84].

Представление Г.И. Невельского о регионе отличалось от представления Петербургского комитета. В 1850 г., сразу после Петровского зимовья к северу от лимана, он основал Николаевский пост на самом Амуре, заявив местному населению, что весь край принадлежит России. Он выдал местным жителям, нивхам, письменную декларацию: «От имени Российского правительства сим объявляется всем иностранным судам, плавающим в Татарском заливе, что... побережье этого залива и весь при-амурский край... с островом Сахалин, составляют российские владения» [14, с. 110—111]. Несмотря на сопротивление консервативно настроенного комитета в Петербурге, следующие пять лет Невельской посвятил

исследованию региона, установлению военных постов и объявлению этих территорий владениями России. Только с подписанием Айгуньского договора с Китаем в 1858 г. притязания Невельского стали официальной политикой Российского государства [10].

История Сахалина в Амурской экспедиции Г.И. Невельского, на первый взгляд, довольно проста. Зимой 1852 г. в рамках исследования всего Приамурья Невельской отправил на нартах лейтенанта Н.К. Бошняка в экспедицию на Сахалин с целью изучить внутреннюю часть острова. Бошняк первым подтвердил наличие каменноугольных месторождений, которые сыграли важную роль в будущем Сахалина [6]. Летом того же года штурман А.И. Воронин, исследуя побережье на военной шлюпке, обнаружил более обширные и богатые месторождения угля. В следующем году, опасаясь направлявшейся к региону военной эскадры США, правительство распорядилось, чтобы Российско-американская компания заняла остров. Майор Н.В. Буссе вместе с командой в 70 чел. основал Муравьёвский военный пост в заливе Анива в сентябре 1853 г., и Невельской провозгласил весь Сахалин владением Российской империи [5; 7; 16]. Следующей весной из-за Крымской войны пост был снят. По Симодскому договору 1855 г. Сахалин признали «неразделённым между Россией и Японией». В таком статусе он оставался до подписания в 1875 г. русско-японского договора, согласно которому Япония уступала России Сахалин, а Россия Японии — Курильские острова [10; 12].

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ Г.И. НЕВЕЛЬСКОГО О КАРТЕ ПРИАМУРЬЯ

География Амурского бассейна в описаниях самого Невельского имела две особенности. Во-первых, исследователь считал Приамурский край российским, несмотря на то, что многочисленные карты отображали иную картину. В 1850 г. он провозгласил Приамурье владением России и не как одержавший победу офицер, но как представитель Российского государства разъяснял местным жителям, что русские всегда считали край своим, хотя уже давно здесь не были [14, с. 110]. В этом с ним соглашался Муравьёв: в письме Меншикову в январе 1850 г. он подчёркивал давнее историческое присутствие России в Приамурье [2, с. 46].

Во-вторых, главным пространством, которое интересовало Невельского, был Амурский лиман, а не материк и соседствующий с ним остров. Невельской, будучи морским офицером, исследовал всё с моря. Когда главное средство передвижения — шлюпка, неважно, является берег частью острова или материка. Карты, которыми он пользовался, были картами воды, а не суши [9, с. 368—369]. Особый комитет 1849 г. разделял представление Невельского, называя весь этот регион «местностью Амура», определяя его как «берег материка с левой стороны сей реки

и северный берег острова Сахалина» [19, с. 167, 169]. Когда в 1855 г. Муравьёв планировал административное деление региона, Невельской написал ему, что «при-амурский и при-уссурийский край представляют одно неразрывное целое, где река и море составляют единственные в крае пути сообщения» [14, с. 372].

В географии Амурского края, воображаемой Невельским, Сахалин занимал скромное место. Исследователь хотел привлечь внимание властей к региону в целом, но при этом не подчёркивал необходимость защиты самого острова. В 1849 г. Невельской писал, что Сахалин даст России прекрасную землю для поселения и сельского хозяйства, однако сам не торопился заселять остров русскими [9, с. 376]. Дальнейшие исследования острова начались только после того, как он узнал от сахалинских нивхов, что там есть уголь. Несмотря на это, Сахалин оставался на втором плане. В 1853 г., когда международный конфликт вынудил российские власти послать на остров отряд, Невельской продолжал настаивать на большей важности материка [14, с. 236].

Открытие экспедицией островного положения Сахалина не имело большого значения для самого Невельского. В рапорте Меншикову от 2 сентября 1849 г. он подробно рассказывает об изучении лимана и описывает берега Сахалина. Исследователь считает его островное положение само собой разумеющимся и неоднократно называет Сахалин островом, хотя и не говорит о своём открытии или подтверждении данного факта. Вместо этого он описывает, как экспедиция прошла на юг из лимана в устье Амура и далее в Татарский «залив»¹ [9, с. 376—377]. В экспедиционном отчёте Невельской ещё раз упоминает, что выплыл «через Южный пролив в залив Татарский» и говорит о «входе из лимана к югу» [15, с. 126]. Хотя наличие этого «входа к югу» значило, что Сахалин является островом, в отчёте Невельской об этом не упоминает. Когда Муравьёв писал Меншикову об этом важном открытии, он тоже не упомянул о Сахалине [2, с. 47]. На тот факт, что Сахалин — остров, не обращали внимания. Важнее были водные пути, открытые Невельским.

В опубликованных в 1878 г. воспоминаниях Невельской впервые признавал, что слова: «Сахалин — остров, отделяющийся от материка проливом», — принадлежат именно ему [14, с. 92]. Десять лет спустя Б.В. Струве в своих мемуарах писал о том, что Невельской по громкоговорителю сообщил Муравьёву с корабля: «Сахалин остров, вход в лиман и р. Амур возможен для мореходных судов с севера и юга. Вековое заблуждение положительно рассеяно, истина обнаружилась!!» [21, с. 79]. Однако в ранних источниках подтверждений ни первому, ни второму заявлениям нет².

¹ В дальнейших донесениях он назывался Татарским проливом.

² Согласно его собственным воспоминаниям, Невельской перечислил свои открытия в донесении Меншикову от 3 сентября 1849 г., поставив на первое место тот факт, что Сахалин является островом [14, с. 92]. Копия рапорта Невельского от 2 сентября 1849 г., хранящаяся в Российском государственном архиве

Такое расхождение можно объяснить контекстом конца 1870—1880-х гг.: к этому времени Сахалин уже стал каторжной колонией для тысяч российских заключённых, и его островное положение обрело важность не только для Российского государства в целом, но и для российских граждан, которые боялись преступников, свободно передвигавшихся по Сахалину. Но в 1849 г. вопрос о том, являлся ли далёкий регион островом или полуостровом, просто не имел значения.

В 1972 г. Б.П. Полевой отметил это интересное упущение в отчёте Невельского и предположил ещё одну причину, по которой островное положение Сахалина не казалось исследователю важным. По его мнению, Невельской не стал привлекать к островному положению Сахалина внимания именно потому, что в этом не было ничего нового. Хотя русский исследователь первым успешно прошёл через пролив на мореходном судне, любой человек, подробно изучавший прежние отчёты, мог сделать вывод, что Сахалин является островом. Открытие японского картографа Мамии Риндзо было отражено на карте, опубликованной Филиппом фон Зибольдом в Европе в 1832 г. [15, с. 116]. Более того, в ответе Петербургского особого комитета Невельскому на его прошение в январе 1849 г. Сахалин уже упоминается как остров, т.е. за полгода до открытия Южного пролива [19, с. 167].

ИЗМЕНЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГЕОГРАФИИ ПРИАМУРЬЯ

Представление о географии Приамурья у российских государственных деятелей изменилось не в 1849 г., когда Невельской подтвердил островное положение Сахалина, а в 1852 г., когда над Россией нависла угроза вторжения с Запада. В течение шести лет, проведённых Невельским в Приамурье, его главной целью было закрепить за Россией восточные водные пути. Для этого офицер предложил основать в разных местах Приамурья семь постов, лишь один из которых был на самом Сахалине [14, с. 176]. В 1853 г. Невельской отдал приказ об основании на западном берегу Сахалина Ильинского поста, который предназначался для охраны не самого острова, а Татарского пролива. Ещё два поста, основанные в том же году, — Константиновский в Императорской гавани и Александровский в Де-Кастри — размещались в стратегически важных местах для охраны водных путей от иностранного вторжения. Несколько лет спустя Невельской называл Императорскую гавань «как бы центральным пунктом всего побережья от лимана до корейской границы». Он пояснял, что, заняв её, русские «становились хозяевами всего побережья» [14, с. 234].

военно-морского флота, этого не подтверждает [9, с. 376]. В 1864 г., описывая предстоящую путаницу относительно географии региона, Невельской подчёркивал, что «главным вопросом» было не то, является ли Сахалин островом, а то, что «река и лиман её доступны для входа мореходных судов с севера и юга» [13, с. 45].

Хотя в 1849—1851 гг. Муравьев поддерживал несанкционированные исследования Невельского, в 1852 г. между ними возникли разногласия. Когда до генерал-губернатора дошли вести об американской морской экспедиции в Японию, он запретил Невельскому дальнейшее исследование на материке, поясняя это в письме от 20 апреля 1852 г.: «надобно, чтобы американцы непременно увидели русских и в гавани Де-Кастри и на Сахалине» [17, с. 359]. В 1853 г. Муравьев обратил особое внимание Николая I на распространение Британской империи по всему миру: «По обстоятельствам, — сказал он на одном из заседаний в Петербурге, — мы допустили вторгнуться в эту часть Азии англичанам, которые весьма натурально в ущерб и в упрёк всей Европе из небольшого острова своего предписывают законы свои во всех частях света» [21, с. 155]. Он заключил, что Россия обязана овладеть Сахалином и устьем реки Амур и Российско-американская компания должна немедленно начать деятельность на острове Сахалин [21, с. 156]. К его удивлению, царь согласился и приказал великому князю Константину Николаевичу начать переговоры с компанией относительно занятия Сахалина. Однако Невельской утверждал, что «не на Сахалин, а на матёрой берег Татарского залива должно обратить главное наше внимание, потому что он, по неоспоримым фактам... составляет неотъемлемую принадлежность России» [14, с. 236].

Последнее заявление Невельского, как бы исключавшее Сахалин из представляемой им карты империи, было сделано под влиянием принятого правительством решения весной 1853 г. [14, с. 236]. До этого времени островное положение Сахалина не имело значения, так как Невельской и его команда исследовали обе стороны Амурского лимана и Татарского пролива. Офицер неоднократно утверждал, что эта территория давно принадлежит России, хотя правительство было с ним несогласно. Именно поэтому Невельской провёл секретную экспедицию под прикрытием Российско-американской торговой компании, действовавшей главным образом на Аляске. В апреле 1853 г. ситуация изменилась. Когда Муравьев представил царю открытия топографа Н.Х. Агте, только что вернувшегося из трёхлетней экспедиции вдоль китайской границы, Николай I якобы сказал: «Итак, это наше», — и приказал военному министру «снести об этом с китайцами» [21, с. 324—325]. Без единого выстрела и без подписания каких-либо договоров на государственной карте региона российско-китайская граница стала перемещаться на юг. Теперь властям уже не нужно было прикрыть Российско-американской компании, и некогда несанкционированные заявления Невельского о принадлежности этих территорий России стали официальной государственной политикой.

С этого времени Сахалин перестал восприниматься как часть Приамурья. Он не остался под начальством Муравьева, генерал-губернатора Восточной Сибири, а был передан Российско-американской компании.

На должность губернатора назначили И.В. Фуругельма, офицера, служившего от имени компании в Русской Америке. Изначально правление Русско-американской компании постановило занять на Сахалине два пункта: один на западной, другой на южной стороне острова, — и устроить там два редута по образцу тех, которые были учреждены в американских колониях. Третий пункт — на восточном побережье острова — планировали занять позднее [11].

Хотя целью Сахалинской экспедиции 1853—1854 гг. было закрепить остров за Российской империей, на воображаемой карте региона экспедиция отделила его от Приамурья. Условия Нерчинского договора более не распространялись на Сахалин, о чём свидетельствует одобрение экспедиции со стороны министра иностранных дел К.В. Несельроде, высказавшего следующее: «...правительство наше относительно острова Сахалина не связано никакими трактатами ни с Китаем, ни с Японией» [2, с. 98]. Занятие Сахалина Российско-американской компанией сознательно проводилось по образцу российских колоний в Америке, так что на острове, как на Аляске, должен был быть собственный правитель колонии, отдельный от администрации Приамурья. Вместо установления мирных отношений с местными жителями, развития торговли и мирного объявления земли территорией Российского государства, на Сахалине был построен редут с башней для защиты от врагов. Как говорил тогда Буссе, командир Сахалинского отряда: «...дух экспедиции нашей изменился, теперь пушки и ядра будут более на виду, чем товары» [7, с. 27]. В воображаемой географии Российского государства Сахалин, подобно Аляске, стал землёй, занятой Россией: по сути, не своей, русской, а чужой. Для Российского государства Сахалин был не продолжением Нижнеамурского бассейна, а островом, отделённым от материка.

Такой же позиции придерживался адмирал Е.В. Путятин, когда осенью 1853 г. вёл сложные торговые переговоры с Японией, чьи рыбаки уже не одно десятилетие ловили рыбу у южного побережья Сахалина. На переговорах в Нагасаки Путятин уверил японцев, что Россия не собирается занимать их территории, косвенно намекая на готовность своей страны разделить остров пополам. Когда весной 1854 г. по совету Путятина отряд оставил Сахалин, адмирал представил это японцам как свидетельство доброй воли со стороны России [1, с. 118—121]. Поскольку обе страны не могли настаивать на своём исключительном праве на Сахалин, в Симодском договоре 1855 г. было указано, что остров является законной территорией не только Российской империи, но и Японии [10].

Отделение Сахалина от Приамурья и от самой России в воображаемой географии Российского государства привело к тому, что на протяжении следующих 20 лет острову уделялось мало внимания, в то время как Приамурье, по выражению А. Герцена, превратилось в сознании людей

в «сибирскую Миссисипи» [24, с. 143—173]. Государство решило заселить материковое Приамурье и отправило туда исследователей и военных, чьи рапорты и отчёты не были секретными и распространялись среди населения. В представлении многих россиян Приамурье (но не Сахалин) обещало России неограниченные возможности и открывало новую эпоху в истории страны [24]. По призыву правительства в Приамурский край для развития сельского хозяйства стали прибывать переселенцы, а по Амуру начали курсировать пассажирские пароходы. Однако Сахалин уже не являлся частью «местности Амура», как он был описан особым комитетом в 1849 г. [19, с. 167, 169]. После заключения Симодского договора остров не только отделился от «неразрывного целого», каким представлял его себе Невельской, но и стал в равной мере частью Японии [10; 14, с. 372].

Видимо, такова ирония истории, что в 1860-х гг. именно островной статус Сахалина привлёк к нему внимание российских властей. Уже в 1858 г. на туда стали ссылать каторжников на добычу угля. А в 1869 г. Сахалин был официально объявлен местом каторги и ссылки. И предпосылками для этого стали именно его островное положение и изолированность от материка. А.П. Чехов отметил мысленную отдалённость Сахалина от России, записав слова своего кучера во время поездки в ссыльнокаторжную колонию в 1890 г. «Скучно здесь, ваше высокоблагородие, — сказал кучер, подчёркивая, что „здесь“ (то есть на Сахалине) всё было не так, как дома, в России. — У нас в России лучше» [23].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Акидзуки Т. Японо-российские отношения и остров Сахалин // Краеведческий бюллетень. 2002. № 1. С. 99—128.
2. Алексеев А.И. Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М.: Мысль, 1974. 191 с.
3. Алексеев А.И. Геннадий Иванович Невельской, 1813—1876. М.: Наука, 1984. 192 с.
4. Барсуков И.П. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. Кн. 1. М., 1891. 321 с.
5. Бошняк Н.К. Занятие части о-ва Сахалина и зимовка в Императорской гавани // Морской сборник. 1859. № 10. Ч. неофиц. С. 391—413.
6. Бошняк Н.К. Экспедиция в Приамурский край // Морской сборник. 1858. № 12. Ч. 3. С. 179—194.
7. Буссе Н.В. Остров Сахалин и экспедиция 1853—54 гг. (дневник Н.В. Буссе). СПб., 1872. 164 с.
8. Высоков М.С., Василевский А.А., Костанов А.И., Ищенко М.И. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времён до начала XXI столетия: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений региона. Южно-Сахалинск: Южно-Сах. кн. изд-во, 2008. С. 317—339.

9. Высоков М.С., Ищенко М.И. Комментарий к книге Г.И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России». Владивосток; Южно-Сахалинск: Рубеж, 2013. 789 с.
10. Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М.: Институт востоковедения, 1927. С. 52—55.
11. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий её до настоящего времени. Ч. II. / сост. В. Тихменев. СПб., 1863. С. 99—102.
12. Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1. От Французской революции до империалистической войны. М.: Литиздат НКВД, 1925. 214 с.
13. Невельской Г.И. Обзор результатов действия русских в северо-восточных пределах России и участия офицеров нашего флота в деле возприсоединения при-амурского края к России // Морской сборник. 1864. № 6. Критика и библиография. С. 21—45.
14. Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849—1855 гг. Приамурский и Приуссурийский край. СПб., 1878. 424 с.
15. Невельской Г.И. Подробный отчёт Г.И. Невельского о его исторической экспедиции 1849 г. к о-ву Сахалин и устью Амура / ред. Б.П. Полевой // Страны и народы Востока. Вып. XIII. Кн. 2. М.: Наука, 1972. С. 114—149.
16. Невельской Г.И. Рапорт капитана 1-го ранга Невельского генерал-губернатору Восточной Сибири и командующему войсками, в оной расположенными, 16 октября 1853 года, по делу занятия острова Сахалина // Морской сборник. 1899. № 12. Ч. неофиц. С. 58—70.
17. Петров А.И. Амурский щит (записки первостроителя Николаевска-на-Амуре). Хабаровск: Хаб. кн. изд-во, 1974. 416 с.
18. Ремнёв А.В. Россия Дальнего Востока: имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск: изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 548 с.
19. Российско-американская компания и изучение тихоокеанского севера. 1841—1867: Сб. док. / сост. Т.С. Фёдорова, А.Ю. Петров, А.И. Гринёв. М.: Наука, 2010. 480 с.
20. Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и док. Т. 2. 1686—1691. М.: Наука, 1972. С. 645—651.
21. Струве Б.В. Воспоминания о Сибири: 1848—1854 гг. СПб., 1889.
22. Трёхсвятский А.В. Сахалин в системе русско-японских отношений в XIX столетии // Краеведческий бюллетень. 2003. № 2. С. 37—53; № 3. С. 24—105; № 4. С. 24—105; 2004. № 2. С. 3—84; № 4. С. 3—84.
23. Чехов А.П. Остров Сахалин (из путевых заметок). М.: Русская мысль, 1895. С. 43.
24. Bassin M. Imperial visions: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East, 1840—1865. New York: Cambridge UP, 1999. 329 p.
25. Bassin M. Inventing Siberia: visions of the Russian East in the early nineteenth century // The American historical review. 1991. № 3. P. 763—794.
26. Batten B. To the ends of Japan: premodern frontiers, boundaries and interactions. Honolulu: Univ. of Hawai'i Press, 2003. P. 23.
27. Morris-Suzuki T. Lines in the snow: imagining the Russo-Japanese frontier // Pacific affairs. 1999. T. 72. № 1. P. 57—77.
28. Niemojowski L. Siberian Pictures. T. 1. London: Hurst and Blackett, 1883. P. 39—40.
29. Stephan J.J. Sakhalin: a history. Oxford: Clarendon Press, 1971. 240 p.